

Время тикало, а его глаза по-прежнему были широко раскрыты. Первоначальный ужас сменила невыразимая словами печаль. Факт был налицо: прошлой ночью Жань Синьяна использовали, и он даже не знал, кто это сделал. Если бы он захотел докопаться до истины, пришлось бы оголиться и предоставить своё тело для экспертизы. Но он не женщина, какая у него может быть «честь»? Даже если найдёт того человека, что это изменит? Заставит жениться на себе? Смешно. Только-только пережил разрыв отношений — и сразу такое. Или, может, это и не было насилием? Может, это он сам пристал к кому-то, ища утешения?

Синьян погрузился в водоворот отчаяния, не в силах вырваться. Он всего лишь калека, какое право имеет с кем-то бороться или мечтать о нормальной жизни?

Он пролежал под одеялом до часу дня, пока голод не заставил его подняться. Осторожно, держась за поясицу, он пошёл в ванную и провёл под душем добрых полчаса. Следы поцелуев на теле всё ещё отчётливо проступали, и боль внизу живота никуда не делась. Но о событиях прошлой ночи в памяти остался лишь один кадр: Ци Тянь помогает ему сесть на стул. Всё остальное — пустота.

Скорее всего, это был Ци Тянь. Возможно, именно он. Но мог ли Синьян пойти к нему и напрямую спросить? А если это был не он?

Вернувшись в спальню, он заметил на тумбочке пачку денег. Синьян дрожащими пальцами сжал купюры. Эти деньги он заработал прошлой ночью своим телом. Значит, он всего лишь продан. Волна унижительного стыда накатила с такой силой, что он до крови вцепился зубами в губу.

Он включил телефон. На экране посыпались уведомления о пропущенных звонках и сообщениях. Звонили Жань Синьхай, Чжан Синь и Хань Юань. Сегодня был рабочий день, звонки Хань Юаня и Чжан Синь, наверное, были по делам. Синьян позвонил Хань Юаню и попросил отгул, затем набрал номер Синьхая.

— Алло, брат, что случилось? Почему телефон был выключен? — в трубке звучал встревоженный голос Синьхая. Он долго не мог дозвониться и знал, что Синьян не имеет привычки выключать телефон, поэтому изрядно переволновался.

— Прости, сегодня плохо себя чувствовал, проспал. Телефон разрядился, забыл зарядить.

— Заболел? Что с тобой? — беспокойство в голосе усилилось.

— Ничего серьёзного, лёгкая простуда. Не переживай. Ты звонил по какому-то делу?

— Да, мама не могла до тебя дозвониться, поэтому позвонила мне. Говорит, чтобы ты на Новый год приехал.

— На Новый год? Зачем?

— Не знаю, не сказала. Сам потом перезвони и спроси.

— Хорошо.

Завершив разговор, Синьян пролистал список вызовов и увидел пропущенный от «мамы». Он перезвонил.

— Алло, Синьян, почему телефон не работал? — упрекнула Ли Лань.

— Мама, сел аккумулятор, забыл зарядить. Что-то случилось? — по голосу матери Синьян уже догадывался, что его ждёт очередная головная боль.

— Да вот, тётя Лю на днях тебя с одной девушкой познакомила. Говорит, чтобы ты на Новый год приехал, встретился.

— Мама, я же говорил, с моим-то положением о какой девушке может быть речь? Мне и одному хорошо, — Синьян с досадой поморщился. Почему все неприятности сваливаются на него разом?

— Что за глупости говоришь! Девушка-то не простая, она... она... — Ли Лань запнулась, не находя слов.

Синьян уловил её затруднение и сам закончил фразу:

— Инвалид?

— Нет... нет... Она... разведённая, — наконец выпалила Ли Лань, и ей явно стало легче. — Синьян, ты же сам знаешь своё положение, не сердись на меня. Я просто... — она снова запнулась, не договорив.

Синьян всё понимал. Хромому парню уже большая удача — найти себе жену. Но он не любил женщин, так что и этого шанса на «удачу» у него не было.

— Мама, откажи от моего имени, пожалуйста. На Новый год у меня работа, не смогу приехать.

— На Новый год не можешь, так на Китайский Новый год приедешь?

Синьян тихо вздохнул:

— Тогда посмотрим. У меня дела, давай я позже перезвоню.

Он положил трубку, сел на кровать, обхватил колени руками и замер, уставившись в пустоту. Посидев так некоторое время, он поднялся, чтобы приготовить еду.

Разогрел вчерашние остатки из холодильника, стал есть с рисом. Но в груди стоял ком, будто её набили ватой, и каждый глоток давался с трудом. Спешно запивая водой, он поперхнулся и закашлялся. На глаза навернулись слёзы, но так и не пролились.

С наступлением темноты он закутался в одеяло с головой, пытаясь заставить себя уснуть, но сон не шёл.

Внезапно раздался звонок в дверь. Синьян вздрогнул, и сердце забилось часто-часто. Он замер в нерешительности, открывать или нет, но тут послышался звук поворачивающегося в замке ключа. Он напрягся, прислушиваясь к шагам в прихожей, и вдруг вспомнил — у Синьхай есть запасной ключ. С облегчением он встал и вышел из комнаты.

— Брат, я тебя разбудил? — Синьхай сбросил рюкзак и поставил на стол пакет с едой.

— Ты что тут делаешь? — Синьян внутренне выдохнул с облегчением, невольно потянув воротник футболки повыше.

— Проведать зашёл. Как самочувствие? Температуры нет? — Синьхай шагнул вперёд, собираясь приложить ладонь ко лбу брата, но тот отпрянул.

— Нет... Всё в порядке, не горячий. Я пойду спать, ты тут сам устраивайся, — Синьян избегал встречи взглядом и почти побежал обратно в спальню.

Синьхай застыл на месте, рука его так и повисла в воздухе. В груди щемяще заныло. Приготовив себе чашку лапши быстрого приготовления и умывшись, он направился в спальню.

Синьян лежал, укрывшись с головой. Рядом аккуратно лежало отдельное одеяло — для Синьхая. Постельное бельё было свежим, и от него ещё пахло нафталином.

Синьхаю стало не по себе. Увидев второе одеяло, он понял: брат намерен спать отдельно. Но почему? Они же всегда спали вместе.

— Брат, с тобой что-то случилось, да? — это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. Синьхай дёрнул за край одеяла, но Синьян резко оттянул его обратно.

— Ничего. Давай спать, я хочу спать, — глухо прозвучало из-под одеяла.

В Синьхае неожиданно закипела ярость. Он ненавидел, когда брат что-то скрывает, будто его жизнь не имеет к нему никакого отношения. В порыве гнева он изо всех сил дёрнул одеяло на себя.

Синьян, не ожидавший такого, оказался полностью открыт. От резкого движения воротник его футболки съехал, обнажив кожу, покрытую красными следами.

Синьхай увидел это и остолбенел. Несколько секунд он просто смотрел, будто не веря глазам, а затем, словно разъярённый зверь, вцепился в одежду брата, пытаясь сорвать её.

— Синьхай! Что ты делаешь? Перестань! Отпусти! — Синьян отчаянно сопротивлялся, но его силы не шли ни в какое сравнение с силой брата.

Синьхай уже ничего не слышал. Ему нужно было убедиться в одном, и, невзирая на сопротивление, он не останавливался, пока ткань не разорвалась с характерным звуком.

Оба замерли. Синьхай стоял как вкопанный, а перед ним была обнажённая грудь брата, вся в сине-багровых отметинах.

Синьяну стало невыносимо стыдно. Он прикрыл глаза ладонью, тяжело и прерывисто дыша, пытаясь выдохнуть вместе с воздухом всю свою унижительную боль.

Может, он слишком сильно заботился о брате. Может, это было накопленное раздражение от множества причин. Синьхай и сам не понимал, какой силы гнев таился в его душе. Он сжал кулаки, всё его тело дрожало. Эти следы на коже были словно тараканы, расползающиеся по полу, — мерзкие, отвратительные.

Наконец он сумел вдохнуть и произнёс дрожащим голосом:

— Брат... ты... ты...

— Это не твоё дело, — ледяным тоном оборвал его Синьян, сбрасывая с себя клочья разорванной футболки и натягивая свежую.

Эти четыре слова впились в сердце Синьхая, как иглы. Спустя мгновение он пришёл в себя и спросил:

— Ты гей?

— Да, — без тени эмоций ответил Синьян. Это был первый раз, когда он открыто признавался в своей ориентации, и сделал он это перед собственным братом. С какой-то странной, горькой лёгкостью.

— Значит, прошлой ночью ты был с женщиной? — голос Синьян звучал жёстко, в нём слышались гнев и глухое неодобрение.

Мышцы на лице Синьяна на мгновение напряглись, но он быстро взял себя в руки и холодно ответил:

— Моя личная жизнь тебя не касается.

<http://bllate.org/book/15938/1424563>